

УДК 330.837

Щеголевский В.А.

Московский государственный областной университет

ДИХОТОМИЯ РЫНОЧНЫХ И ИЕРАРХИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ Т. ВЕБЛЕНА И ДЖ. КОММОНСА

V. Shegolevsky

Moscow State Regional University

DICHOTOMY OF T. VEBLEN AND J. COMMONS' VIEWS OF MARKET AND HIERARCHICAL STRUCTURES

Аннотация. Статья посвящена проблеме противоречий, возникающих в обществе и связанных с внедрением и развитием новых институтов, в работах Т. Веблена и Дж. Коммонса. Показана разница в отношении к рынку и рыночным институтам у двух основателей институционального направления в экономике. Отстаивается идея, что учение Т. Веблена основано во многом на старых философских идеях, которые имеют религиозный подтекст. Поэтому, как считает автор, учения Т. Веблена и Дж. Коммонса целесообразно рассматривать как два совершенно независимых учения, тогда ранний институционализм можно назвать направлением экономической науке чисто условно.

Ключевые слова: институциональная экономика, экономическая мысль конца XIX – первой половины XX вв, дихотомия, эволюция, трансакции, иерархия, гибридные структуры, техноструктуры.

Abstract. The article examines the study of T. Veblen and J. Commons' works of contradictions arising in a society and connected with introduction and development of new institutions. The article shows the difference in attitudes to market and market institutes of two founders of institutional theory in economics. The author proves that T. Veblen's doctrine is based, in many aspects, on old philosophical ideas with religious implications. Therefore, T. Veblen and J. Commons' doctrines should be considered as two absolutely independent doctrines and the early period of institutional economics can be hardly treated as a separate branch.

Key words: institutional economics, economic thought of the end 19th – first half 20th centuries, dichotomy, evolution, transactions, hierarchy, hybrid structures, techno-structures.

В настоящем исследовании мы рассматриваем проблему дихотомии рынка и иерархических структур в теориях двух институционалистов – Торстейна Веблена и Джона Коммонса. Их взгляды наиболее интересны для нас сегодня, так как ранний институционализм с его методом анализа экономических процессов через призму теорий эволюции ценностей возрождается вновь, но на базе уже эволюционной экономики [4]. Благодаря институционализму было уточнено понятие рынка, так как классическая политическая экономия этого не сделала, а неоклассики лишь пересказали мысли Курно либо вообще оставили проблему структурных дефиниций рынка и рыночной экономики без внимания.

Ранний, или классический, институционализм появился в начале XX в. в США. Едва ли можно найти прямую теоретическую связь между учениями первых институционалистов и другими направлениями экономической мысли. Джон Коммонс был хорошо знаком с исторической школой, однако он не стал ее прямым продолжателем. Основоположник институционализма – Торстейн Веблен – исходил из своего практического опыта работы юристом в фирме Рокфеллера. Весь опыт жизни Т. Веблена подталкивал его к созданию антирыноч-

ной, по своей сути, теории, которая и стала началом институционализма, и это примечательно, институционализм с тех пор стремится опровергнуть либо скорректировать постулаты либерализма, в частности, идею «невидимой руки». Проблема дихотомии рыночных и иерархических структур стала, таким образом, одной из центральных тем институционализма со времен Веблена и до наших дней.

Институты трактуются большинством экономистов сегодня как правила и нормы поведения, которые структурируют и определяют повторяющиеся взаимодействия между людьми. Наряду с простыми институтами значительное влияние на экономическое развитие оказывают механизмы регулирования (системы сложных институтов), которые представляют собой тип властных институтов, возникающих в результате организации хозяйственных процессов в рамках государственных и корпоративных структур и иных организаций.

Для постиндустриальной экономики характерен феномен, который еще в прошлом веке, правда, в ином контексте описал Т. Веблен. Впоследствии этот феномен получил названия дихотомии Веблена (иногда в литературе встречается термин «дихотомия Веблена-Эйрса», дающий указание на вклад Кларенса Эйрса в исследование данной проблемы). Часто дихотомию Веблена ассоциируют с противоречиями, возникающими в ходе социальных изменений между прогрессивными технологиями и тормозящими развитие институтами. Традиционно проблематика дихотомии Веблена составляет ядро теоретической проблематики старого институционализма. Веблен многократно указывал, что институты являются результатом и отражением исторического развития. Дихотомия Веблена дает нам возможность акцентировать внимание на одной важной составляющей социально-экономического развития – асинхронности эволюции общественных механизмов, а также институтов.

Противоречия между формами производственной деятельностью и стабильными

правилами, а также механизмами их реализации заключается в асинхронности темпов их изменений. В эпоху промышленного переворота данный феномен был проанализирован Торстейном Вебленом как дихотомия между индустрией и бизнесом. В дихотомии Веблена бизнес, ориентированный на получение прибыли, представляет основную силу регресса. Напротив, индустриальное производство, движимое инженерами в соответствии с инновационными идеями, является основной составляющей прогресса. Анализ экономической истории США показывает, что Т. Веблен [1] оказался прав, когда разрабатывал свою теорию в конце XIX–начале XX в. Он уже тогда указал на то, что Дж. Гэлбрейт и другие будут после Второй мировой войны доказывать как противоречие между инертными, медленно изменяющимися институтами буржуазного общества и более динамичными технологическими изменениями и вызовами техносферы, действующей уже по законам, не связанным с логикой функционирования рыночной экономики.

Правда, в теоретических построениях Т. Веблена и Дж. Гэлбрейта уже содержится серьезное противоречие. Если на каком-то этапе развития капитализма, допустим, промышленной революции конца XVIII в., научно-технические достижения диктовались рыночными условиями, то получается, что и законы техносферы изначально должны были быть рыночными. В таком случае нам надо искать не дихотомию между рынком и техносферной иерархией в виде промышленных корпораций-гигантов, а отклонение индустриальной цивилизации от законов рыночной экономики; собственно, на такой позиции находились неоконсерваторы. Обычно внедрение новых технологий изучается как эволюционный процесс. В концепциях эволюции экономических систем мы можем обозначить три основополагающих понятия: источники многообразия, выбор окружающей среды и механизм передачи. Данный абстрактный взгляд на динамичное развитие технологического выбора иногда не уделяет должного внимания таким фак-

торам, как социальные нормы, рыночная власть и государственная политика [3].

Институты формируют предпосылки для долгосрочных и повторяющихся трансакций, создавая набор возможных вариантов социального действия, что делает действия субъектов предопределенными и, следовательно, снижает вероятность дезорганизации или разрушения социальной системы. Социальные изменения являются важным фактором прогресса общества. И здесь мы опять сталкиваемся с фундаментальной дихотомией между стабильными институтами и необходимостью формирования новых структур управления и технологий. В дихотомии Веблена прогрессивная роль технотехнологии и регрессивная – капиталистических институтов сокращает объяснительную силу этой теории по отношению к эволюционным институциональным изменениям. Возможно, регрессивные институты капитализма способствовали сохранению этой системы, например, принцип неприкосновенности частной собственности либо законодательно обоснованное невмешательства государства в деятельность фондовых бирж. Именно на свободу финансовых рынков как главный фактор кризисов капиталистического мира указывал Дж. Гэлбрейт [2].

Асинхронность развития технологий и механизмов регулирования является причиной значимой дихотомии, определяющей закономерности развития того или иного хозяйственного порядка, если следовать Веблену. На первый взгляд, существующие институты представляют инертную силу, сдерживающую поступательное и прогрессивное развитие технологий, глобальных рынков и реализации проектов модернизации. Тем не менее некоторые стабильные институты, особенно некоторые социальные иерархии, призваны защищать экономику и общество от негативных воздействий внешней среды, например, барьеры на пути либерализации финансовых рынков, которая принесла негативные результаты в ряде случаев. Степень асинхронности между технологиями и механизмами регулирования, с одной стороны,

и институтами – с другой, влияет на устойчивость хозяйственного порядка. Высокая степень асинхронности может привести к системному кризису, соответствующему периоду радикальной институциональной трансформации. Отсюда возможно, что дихотомия Веблена может рассматриваться как частный случай асинхронной эволюции институтов и технологий. Кроме того, мы считаем правильным не делать какие-либо оценочные суждения относительно прогрессивности технологий и технотехнологии, с одной стороны, и институтов, с другой. Ключом к пониманию влияния асинхронности развития на эволюцию институциональной структуры хозяйственного порядка служит анализ действий групп специальных интересов, так как именно концепция дихотомии Веблена ставит исследование власти в центре экономической теории [5].

История дает нам пример непрерывного взаимодействия двух сил: динамической силы технологий, которая способствует изменениям и статической силы официальных статусов, и традиций, которые препятствуют изменениям. Лица и группы, внедряющие новые технологии, сталкиваются с сопротивлением экономических субъектов, которые заинтересованы в сохранении старых технологий. Такое сопротивление может приобретать значительные масштабы, например, движение луддитов. Примечательно, что масштабы движения луддитов различались в зависимости от институциональной структуры в различных регионах Англии. Таким образом, именно степень несоответствия новых организационных форм хозяйственной культуре и институтам определяет степень реакции основных участников процесса противодействия научно-техническому прогрессу. Более того, асинхронность между внедрением технологий, сопутствующих им организационных механизмов и институтов в современном мире приводит к возникновению такого явления, как ретроградность.

Насчет проблемы существования ретроградности и институтов, на которые они опираются, можно полемизировать с Вебленом.

Основатель институционализма не учел такого фактора, как время, необходимое на освоение обществом новых технологий, что значительно зависит от характера этого общества и отдельных его страт. Ликвидация в результате внедрения новых институтов и научно-технических достижений может вести к росту издержек общества, идущих на адаптацию к новым условиям. Главной проблемой в понимании дихотомии капитализма и техноструктуры в теории Т. Веблена является его видение социально-экономического развития человечества. Как получилось, что в понимании Веблена, частная собственность превратилась в тормоз технического прогресса? Дело в том, что, по мнению основателя институционализма, частная собственность есть продукт, с одной стороны, ксенократических моделей общественного устройства, а с другой стороны, – конкуренции. Чтобы конкурировать, по Веблену, надо обладать частной собственностью. Суть конкуренции имеет чисто антропологический характер и, по мнению американского институционалиста, никак не связана с рынком, она происходит из «периода хищничества», или раннего варварства, когда над производством и обменом преобладал захват.

Таким образом, рынок в теории Веблена есть не что иное как второстепенный институт, не играющей заметной роли в социально-экономическом развитии общества. Капитализм не связан тесно с рынком, он связан скорее с насильственным присвоением. В этом аспекте Веблен очень близок к марксистам и социалистам в целом. Кроме того, рынок подвержен деформациям в пользу развития производств, ориентированных на демонстративное потребление. Таким образом, общественная иерархия, по своей сути остающаяся в представлениях Веблена со времен фараонов неизменной, давит на рынок через доставшееся в наследство от архаических времен демонстративное потребление. Рынок, таким образом, служит иерархии, дополняя ее в том, что касается неспособности систем распределения решить проблему потребления в удовлетворитель-

ном для господствующих страт общества порядке. Таким образом, луддиты и прочие ретрограды подобного рода есть только мелкий частный случай противодействия техническому прогрессу, но они могут создать значительные трудности в случае медленных или неадекватных институциональных изменений.

Если обратиться ко временам промышленной революции конца XVIII–XIX вв., то можно наблюдать пример асинхронного развития технологий и методов организации производства и хозяйственных институтов. Техника противостояла лежащей в основе капитализма архаике – стремлению к подчинению, насилию и ограничению конкуренции, что сопровождалось созданием иерархий в промышленном бизнесе. Поэтому многие современники отрицательно относились к «промышленной революции» и сам термин для большинства людей того времени имел негативный характер. То же самое можно сказать о рынке и прогрессе, последний мыслился людям конца XIX в. не просто как динамичное изменение технологий, а как изменение человека к лучшему, конечно, последнее определялось критериями того или иного философского мировоззрения. Юрист Веблен увидел в технике инструмент трансформации общества в сторону построения справедливого и гуманного социума. Маркс, к примеру, видел иной путь – уничтожение классов и частной собственности.

В «Теории праздного класса» Т. Веблен опирается на старую религиозно-философскую идею о «золотом веке» в истории человечества. До начала периода «хищничества» человечество, по его мнению, развивалось правильно, а после пошло по ложному пути демонстративного потребления и наращивания личного престижа. Словом, эгалитарные группы дикарей Амазонии есть правильная модель общества, по мнению Веблена, а современная ему Северная Америка – пример ложного пути развития человечества. Таким образом, ложная, с точки зрения исторической социологии и социальной антропологии, идея о «благородных дикарях» из «золотого

века» человечества легла в основу не только учения Т. Веблена, но практически и всего раннего институционализма. Единственное, что верно уловил в своих рассуждениях Т. Веблен, есть та особенность рыночной экономики, когда выбор агентов при осуществлении сделок предопределен законами общественной иерархии. То есть, проще говоря, человек руководствуется при покупке вещи не ее полезными для него лично свойствами, а оценкой ее с точки зрения общественного престижа.

Принципиально иной взгляд на социально-экономическое развитие и конституирование общества имел Джон Коммонс, по сути, он превратил институционализм в направление экономической мысли, которое заняло равное с неоклассикой и неокейнсианством положение, будучи до этого на периферии экономической мысли. По сути дела, теории Т. Веблена рассматривались как частный случай, скажем, оригинальное учение. Д. Коммонс рассматривал институт как норму, подчиняющую индивидуальные действия и мотивы коллективному желанию. Отсюда общество и государство в концепции Коммонса есть скорее гибридные структуры, если использовать современную терминологию, нежели строгие иерархии, в рамках которых более сильные обирают более слабых, как это декларировал Т. Веблен.

Неоклассической модели рыночной экономики Дж. Коммонс противопоставил теоретическое представление об экономике как о системе, построенной на коллективных правилах (институциональные матрицы неинституционалистов) и асимметрии информации. Если у неоклассиков и марксистов имеет место видимый физический контроль владельца капитала над товарами и услугами, то в концепции Джона Коммонса на первом месте находится юридический контроль как конституирующий экономический элемент.

Таким образом, неполнота информации, ожидания и влияния коллективных действий являются, по Джону Коммонсу, основами экономического поведения индивидов и фирм в экономике. Разумеется, все эти

положения относятся не к фиксированному состоянию экономики, которую в основном и рассматривает неоклассический анализ, а к динамичной системе. Из сказанного выше следует, что Коммонс не считал рынок основополагающим звеном в экономике, «невидимой рукой», на самом деле, рынок встроен в гибридные соглашения. Власть рынка, согласно теории эволюции капитализма, по Коммонсу, убывала по мере усложнения производственных отношений. По сути дела, Коммонс оказался на одном теоретическом поле с Гэлбрейтом, для обоих либеральный капитализм – умирающая форма общественных отношений, на смену которой идет административный капитализм, кстати, этот термин был введен Коммонсом.

Итак, периодизация стадий развития капитализма у Коммонса имеет следующий вид: торговый капитализм, предпринимательская стадия, банковский, или финансовый капитализм, административный капитализм [6]. На стадии финансового капитализма формируются крупные объединения предпринимателей и наемных работников (профсоюзы). Образующаяся на этой стадии развития капитализма сложная институциональная структура, ориентированная в основном на урегулирование пользования редких благ, спасает общество от хаоса и анархии, которая могла бы воцариться в результате ничем не ограниченного действия закона спроса и предложения. Дело в том, что классики, а за ними – и неоклассики обратили внимание на редкость блага как фактор, влияющий на цену, но редкость блага, согласно учению Коммонса, может также стать мотивом к созданию асимметричных трансакций. И действительно, экономическим субъектам не всегда выгодно свободно обменивать товары и услуги. Зачастую им выгоднее договориться об ограничении действия рыночных трансакций (термин введен Коммонсом), тогда возникают либо управленческие, либо рационализирующие трансакции.

Джон Коммонс считал, что в экономике действуют три вида трансакций – рыночные, управленческие и рационализирующие

транзакции [6]. Управленческая транзакция подразумевает преимущество одного из контрагентов, которому принадлежит исключительное право принятия решений. В случае с рационализирующей транзакцией право решения принадлежит коллективному органу, например, суду. По сути дела, все решения государства есть рационализирующие транзакции. Тому или иному строю присуще преобладание какого-либо типа транзакций. Например, в рабовладельческом обществе приоритетную роль имела управленческая транзакция. В условиях раннего капитализма, вероятно, главное место отводилось рыночным транзакциям. Для первой половины XX в., по мнению Джона Коммонса, было характерно преобладание рационализирующих транзакций, которые пришли на смену частной воле. От диктатуры американское общество спасла демократическая природа Соединенных Штатов Америки, словом, власть демократической традиции, как справедливо полагал Д. Коммонс.

Сущность усиления государственного контроля над экономикой или, говоря современным языком, расширения общественного

сектора, Коммонс видел в росте числа конфликта интересов в рыночной экономике, когда рыночные транзакции уже не обеспечивали относительно легкого и справедливого доступа для всех агентов. В отличие от него, Т. Веблен считал рынок несовместимым либо слабо совместимым явлением с общественным прогрессом. Таким образом, у Т. Веблена мы видим противодействие институтов, у Д. Коммонса – их взаимодействие.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Издательство Прогресс, 1984. С. 375.
2. Гэлбрейт Дж. Великий крах 1929. М.: Попурри, 2009. С. 256.
3. Нельсон Ричард Р., Уинтер Сидней Дж. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело, 2002. С. 535.
4. Пястолов С.М. Экономика обучающегося субъекта. М.: МИОО, 2010. С. 224.
5. Atkinson G. Views on Economic Order and Evolution // Journal of Economic Issues. 1995. V. 29. № 4, P.1231–1240. (Dec95).
6. Commons J.R. Institutional Economics // American economic Review. Vol. 21. 1931.